

На Террасе Феникса собралось множество людей, но Лэ Юй сразу заметил Сяо Шанли. На террасе, за занавеской из перьев, переливающейся яркими цветами и золотыми нитями, можно было лишь смутно разглядеть молодую девушку в роскошном наряде. Лэ Юй стоял за ней, как телохранитель. Его зрение было острым, и он следил за Сяо Шанли, который молчал, управляя лошадей и размахивая кнутом. На солнце его стройная фигура, тонкая талия и красные губы выделялись, создавая образ, который притягивал взгляды.

Он не сводил глаз с Сяо Шанли, когда тот взял лук, натянул тетиву, демонстрируя свою стройную фигуру и белые руки. С первого раза он не попал в фонарь со сливой, но со второй попытки добился успеха. Слез с лошади, бросил кнут, который подхватил слуга, взял кисть, обмакнул ее в чернила и написал две строки. Все его движения были настолько плавными, что на его лице и теле не было ни капли пота, словно он был далеко, хотя находился рядом, как будто за облаками.

Вскоре несколько листов бумаги были представлены на рассмотрение. Тянь Мими приказала разложить их на ковре, оставив место для прохода, и стала медленно ходить, рассматривая их. Ее одинокая фигура излучала печаль, и Лэ Юй поддержал ее. Она с усилием улыбнулась:

— Выберите стихи князя Цзинчэна.

Сяо Шанли написал стихи посредственно, без особого старания, просто связно. Первая строка: «На мосту Ба я привязал коня в снегу», вторая: «Готов ли я разделить зиму с цветущей сливой?»

Молодые аристократы с нетерпением ждали, а она трижды поднимала кисть, но рука ее дрожала. Слабым голосом она сказала:

— Старший брат, выберите за меня князя Цзинчэна, хорошо?

Лэ Юй обнял ее, одной рукой держа ее правую руку, а другой написал две строки. Она улыбнулась:

— Старший брат, я дошла до этого момента и вдруг захотела все отменить. Видимо, чтобы добиться великого, нельзя иметь того, кого любишь. Мне так больно... Я не знаю, как я переживу все эти долгие дни без нее.

Лэ Юй сказал:

— Глупая девочка.

Она сделала вид, что улыбается сквозь слезы.

Тянь Мими чувствовала, как сердце ее разрывается, и посмотрела на строки, которые написал Лэ Юй. Стихи Сяо Шанли изображали зимний пейзаж, где на мосту Ба привязан конь, а рядом цветет слива. Лэ Юй же написал: «Рад, что кисть моя еще не облысела», а последняя строка была из стихотворения Бао Чжао: «Кто заставит меня сломать ветку и смотреть на нее каждый

день?» Писатели часто называли кисть «чжуншу», и смысл его строк был в том, что он рад, что его кисть еще не износилась, и он может нарисовать цветок, чтобы повесить его на стену, вместо того чтобы сломать ветку и заставить ее быть с ним каждый день.

Сяо Шанли, получив стихи, узнал почерк Лэ Юя, и его охватила грусть, но об этом не стоит говорить подробно. Что касается принцессы Яньцин, выбор жениха на Террасе Феникса завершился избранием князя Цзинчэна. Молодые аристократы окружили его с поздравлениями, а гонцы отправились во дворец. Дело было решено, и Цэнь Мухань пришел попрощаться. Тянь Мими, уже вернувшись к своим обычным шуткам и улыбкам, выслушала его:

— Зал Заточки Мечей вмешался в дело союза принцессы с Южной Чу. Хотя это кажется соперничеством в мире боевых искусств, но в Северной Хань двор и мир боевых искусств едины. Я боюсь, что Северная Хань может напасть на область Циньчжоу, поэтому я немедленно отправляюсь туда.

Тянь Мими подумала: союз заключен, моя личная безопасность не важна, тем более что старший брат здесь, и с облегчением сказала:

— Именно так! Область Циньчжоу не может оставаться без Цэнь Цаньцзюня.

Она подошла к нему, разделила военный символ области Циньчжоу на две части и протянула ему, серьезно сказав:

— Я доверяю Цэнь Цаньцзюню, и с этого момента я полностью передаю вам оборону области Циньчжоу. Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне.

Цэнь Мухань знал, что эта принцесса, хоть и выглядела хрупкой девушкой, была сильной духом, и просто сказал:

— Хорошо.

Он взял символ, отступил на шаг и поклонился в знак прощания. Меч Юйхоу висел у него на поясе, и Лэ Юй сказал:

— В ту ночь я воспользовался вашим мечом, и он был запятнан кровью недостойного, что оскорбило ваш меч.

Цэнь Мухань посмотрел на него и ровным тоном ответил:

— Мой меч должен пить кровь подлецов, так что это не оскорбление.

Эти двое смотрели друг на друга, и хотя их мечи еще не скрестились, в их глазах уже шла борьба. Они скрывали свои намерения, и Лэ Юй сказал:

— На поле боя нет места жалости, среди стрел и копий, Цэнь Цаньцзюнь, берегите свою жизнь.

Цэнь Мухань ответил:

— В мире боевых искусств полно опасностей, и я надеюсь, что островной владыка Лэ проживет долго.

Лэ Юй и он, один в мире боевых искусств, другой в армии, имели разные взгляды, но между ними возникло странное уважение. Они не могли стать друзьями, но и врагами тоже не были. Когда Цэнь Мухань ушел, Лэ Юй с Террасы Феникса смотрел вниз и увидел, как люди вокруг Сяо Шанли начали расходиться. Он поговорил с придворным евнухом принцессы, сел на лошадь и поехал, окруженный охраной. Когда он проезжал мимо тысячи персиковых деревьев, он остановился, и руки, державшие поводья, навсегда остались в сердце Лэ Юя.

В ту ночь в резиденции князя Цзинчэна, как тень, бесшумно проник человек, словно ночная сова, направляясь к Залу Лочуань. Зал Лочуань был построен у воды, и человек перешел через пруд, прыгнув с трех небольших павильонов на северную платформу зала. Он двигался быстро, как ветер, и не потревожил ни одного ночного охранника, ни одну птицу в саду. На платформе было окно, за которым лежали несколько слоев пионов, и сквозь занавеску можно было видеть их цвет и тень. В спальне князя Цзинчэна была ширма и занавеска, и в каждой комнате горели свечи, но служанок не было.

На столе у кровати горел благовония, и Сяо Шанли, лежа в постели, вдруг поднял глаза и тихо спросил:

— Учитель? Это вы, вы пришли?

В комнате было тихо, и вдруг появилась фигура, приблизившись. Рука откинула занавеску кровати, и Сяо Шанли сел. Лэ Юй, в узком черном одеянии, стоял перед его кроватью с подсвечником в руке, наклонившись:

— Как вы узнали, что я пришел?

Сяо Шанли, укрывшись одеялом с цветочным узором, выглядел так, будто был одет в роскошную одежду, и только его белое горло и лицо были видны под шелковой ночной рубашкой. Его брови были изящными, а глаза блестели. Он избегал прямого ответа, не говоря, что почувствовал его присутствие, и просто сказал:

— В резиденции князя Цзинчэна я увеличил охрану на тридцать процентов, патрули ходят каждый час, а на Террасе Фэйцун находятся мастера из Павильона Весеннего Дождя. В мою спальню может проникнуть только учитель.

Лэ Юй понял:

— Значит, вы стали больше бояться людей из мира боевых искусств.

Под светом свечи глаза Сяо Шанли загорелись, и он с ненавистью сказал:

— Но что мне делать с этим страхом, если люди из мира боевых искусств могут свободно

приходить и уходить в столице, как хотят.

Затем тихо добавил:

— Я не говорю об учителе. Зачем вы пришли на этот раз?

Лэ Юй, держа свечу в правой руке, а в левой — длинную резную шкатулку, передал ее Сяо Шанли. Тот взял ее и повернулся, чтобы посмотреть. Внутри шкатулки лежала ветка персика, вырезанная из дерева, покрытая черным лаком, с лепестками из розового шелка. Лэ Юй сказал:

— Я заметил, что вам понравилась эта ветка.

Сяо Шанли, лицо его выражало смесь радости и печали, повернулся, и в свете свечи его кожа казалась более нежной, чем шелк. Его лицо, прекрасное, как цветок, было привлекательным даже без эмоций, но в его глазах была любовь. Он сказал:

— Учитель только что написал строки «Кто заставит меня сломать ветку и смотреть на нее каждый день», а теперь принес мне ветку.

Лэ Юй наклонился к его лицу и сказал:

— Другие ломают ветки, но ты красивее любого цветка. Когда ты смотришь на цветы, они стыдятся называться цветами. Ты и есть цветок.

Сяо Шанли, глядя в его глаза, увидел свое отражение и прошептал:

— Учитель...

Он слегка поднял лицо, словно предлагая ему рассмотреть его более внимательно, и мягко сказал:

— Тогда, учитель, можете ли вы ради... меня, забыть об Острове Пэнлай?

Лэ Юй, внезапно очнувшись от красоты, понял, что гордый Сяо Шанли, сам того не зная, пытается его соблазнить. Он имел глубокие предубеждения против мира боевых искусств, и однажды, получив власть, он бы уничтожил его. Лэ Юй, чувствуя жалость, но оставаясь непоколебимым, поставил подсвечник и сказал:

— Князь Цзинчэн, а вы можете отказаться от трона? Южная Чу для вас — то же, что Остров Пэнлай для меня.

Сяо Шанли, стиснув зубы, погладил ветку персика и сказал:

— Если я откажусь от трона, учитель сможет отказаться от Острова Пэнлай?

Лэ Юй, глядя на него, медленно произнес:

— В этом мире я еще не прошел треть пути. Если бы у меня была красавица, способная покорить целую страну, я бы провел всю жизнь, плавая с ней по пяти озерам.

Глаза Сяо Шанли заблестели, он дважды хотел что-то сказать, но не смог. Лэ Юй, висая в неопределенности, наконец услышал, как он открыл губы и решительно сказал:

— Видимо, у нас с учителем нет будущего.

<http://bllate.org/book/15272/1348093>